

Клубные встречи

"Зятья в слезах про тещ галдят, а наша — лучше не отыщешь ни в Сан-Франциско, ни в Мытищах, ни в Африке, где тещ едят". Вот так необычно объясняется в любви к своей теще Игорь Губерман. Впрочем, у Лидии Борисовны Либединской, известного литератора, поэта, историка и просто красивой женщины, все необычно: и семья, и встречи, и друзья, и книги, и вся ее жизнь. За три четверти века ей пришлось испытать все происки изменчивой фортуны: ее отец принадлежал к известному графскому роду Толстых, но от родовой усадьбы осталось только деревце с "райскими" яблочками, а реальностью ее жизни стал обычный для многих коммунальный быт. Судьба ей подарила незабываемые встречи с А.Ахматовой, М.Цветаевой, М.Светловым, К.Чуковским, а другие ее друзья-поэты — Д.Бергельсон, П.Маркиш в приснопамятные времена были расстреляны. Свой брак с писателем Юрием Либединским она назовет "романом длиною в 20 лет", а в 38 лет останется вдовой с пятью детьми. Сегодня она пребывает одновременно в двух столицах: Москве и Иерусалиме, потому что судьбе было угодно так разбросать ее дочерей и внуков.

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ:

1924 клуб - 1996 - 12 лет - 47.

Чтобы сделать мужу подарок, я прыгала в роддоме с подоконника

— Лидия Борисовна, говорят, ум человека начинается с того, что он выбирает себе родителей.

— Наверное, весь мой ум ушел на то, чтобы родиться в совершенно замечательной семье. Моя мать, Татьяна Владимировна Толстая, в девичестве Ефимова, была литератором. Еще до революции у нее вышло несколько поэтических сборников. Она окончила в Тифлисе Институт благородных девиц. Перед первой мировой войной семья матери переехала в Петербург, и мама поступила в Академию художеств. Она хорошо рисовала, писала стихи, была знакома с Блоком, Маяковским, Велимиром Хлебниковым. Ее воспоминания о Блоке впоследствии были напечатаны в "Литературном наследстве", а книга о Пастернаке недавно была издана в приложении к "Литературной газете". После революции в Петрограде было очень голодно, и семье пришлось вернуться в Тифлис. Это было в 1917 — 18 годах, в Тифлисе в то время находился поэт-футурист Алексей Крученых, с которым она была знакома с Петрограда, Сергей Городецкий, грузинские поэты Тициан Табидзе, Пауло Яшвили, Валерьян Гаприндашвили и другие. Многие из них погибли в 37-м году. Она одна из первых перевела их на русский язык. Некоторые произведения грузинского авангарда увидели свет только в переводах мамы, так как при их аресте архивы были изъяты.

С моим отцом мама познакомилась в Баку, где училась в университете. В то время там преподавал поэт Вячеслав Иванов. Моя мама была его ученицей, и, когда я родилась, она попросила его стать моим крестным. Крестному полагалось бросать в купель горсть золотых монет. Но в Баку только что пришли большевики, так что золотые монеты взять было нелегко. Однако Вячеслав Иванов много путешествовал, и у него сохранились монетки разных стран. Он бросил мне в купель эти монетки и вместе с ними дух путешествий. Вот так с легкой руки Вячеслава Иванова я, когда выросла, объездила почти весь мир.

Мой отец, Борис Толстой, был юристом. В Москве он работал в Госплане. У него сохранились дореволюционные визитки с золотым обрезом: "Граф Борис Дмитриевич Толстой", на которых внизу он приписал "сотрудник Госплана РСФСР" и раздавал эти карточки знакомым. После убийства Кирова всех дворян, в том числе и моего отца, уволили с работы, "вычистили", как тогда говорили. Он уехал работать в Алма-Ату. Мама не смогла поехать с ним, так как писала книгу об истории Надеждинского завода, а я училась в школе. В 37-м году отца арестовали. В ответ на мамин запрос из Ка-

захстана пришел лаконичный ответ: "Адресат сидит". Только в 1966 году, после выхода моей книги "Зеленая лампа", я узнала, что отец умер в 1942 году от туберкулеза в лагере под Красноярском.

— Сейчас стало модным иметь дворянский титул. Как вы, графиня Толстая, к этому относитесь?

— Как-то одна женщина рассказала, что она часто и не без основания попрекала своего мужа за бескультурье. Тогда он ей в отместку купил себе княжеский титул за 500 долларов. Как к этому можно относиться? Я считаю, никогда и ни от чего нельзя отказываться. В наше время было модно быть детьми рабочих и крестьян, это давало право поступить в институт. Сейчас все наоборот. Надо жить нормально и ощущать себя человеком, а не князем или графом.

— Какие отношения были у вас в семье?

— С отцом мы могли разговаривать на любую тему, он много рассказывал о своей семье, о наших предках, о русской истории. Бабушка знала несколько языков, в том числе и латынь. Она мне пересказывала, например, "Былое и думы", любила рассуждать о Французской революции, спала на досках, как Рахметов. От бабушки я узнала о Пушкине, Лермонтове, а когда она читала мне "Тараса Бульбу", в том месте, где Тарас убивает сына Андрия, у бабушки вдруг потекли слезы. Я очень испугалась, так как никогда не видела бабушку плачущей. Мама, как я уже говорила, занималась литературой. Вот в такой атмосфере я росла.

— Ваш отец воспитывался в родовом поместье, а в каких условиях жила ваша семья?

— В одной комнате в коммуналке. Наверное, родные страдали от тесноты, но я лично не страдала. В школе нас учили борьбе с мешанством, я выбрасывала на помойку все его "проявления": "занавесочки", "статуэточки". Нам надо было об этом отчитываться в классе. Бытовые условия в Москве в то время были ужасные: готовили на керосинке, у нас носы были черные от копоти. Дрова приходилось пилить и колоть, кстати, я это умею делать до сих пор. Бабушка готовила все сама, домработницы у нас не было, и я должна была сама себя обслуживать. Особенно тяжело мне давалась глажка. Утюги бы-

ли тяжелые, на углях. Как дунешь на него, когда он остывает, угольная пыль разлетается. Так что к бытовому неурядицам я отношусь спокойно. И своих детей так же воспитывала.

— В 37-м году вы учились в школе. Что было для вас самое памятное в этот год?

— Тот страшный год был еще и юбилейным годом Пушкина. Весь год мы учили только произведения и биографию Пушкина, писали сочинения, делали выставки, наша учительница по литературе водила нас по пушкинской Москве. Я училась в 25-й образцовой школе в одном классе с Василием Сталиным, наши фамилии стояли рядом: Сталин и Толстая. Там учились дети многих ответственных работников. Поэтому в 37-м году почти каждый день в классе кто-то плакал: родителей арестовали. Но любовь к Пушкину сохранила детям душевное здоровье. Они видели, что осталось что-то прекрасное на свете.

— В школьные годы у вас была первая любовь?

— В школе был мальчик, Валентин Литовский, который в фильме "Юность поэта" играл роль юного Пушкина. Он и был моей первой любовью. В 1941 году он погиб на фронте. В этом фильме вместе с ним играли лицеисты — Пушина, Дельвига и Кюхельбекера, еще трое ребят. Они все погибли на войне. Фильм "Юность поэта" показывали на фронте бойцам, когда освобождали Царское Село, Михайловское. Из нашего класса с войны вернулись только двое ребят, а шестнадцать погибли.

— Как вы познакомились со своим будущим мужем Юрием Николаевичем Либединским?

— Он был участником гражданской войны, а в начале Великой Отечественной воевал в ополчении и под Москвой был тяжело контужен. Ополченцы ведь практически все были перебиты. Итак, в 42-м году Юрий Николаевич вернулся с фронта в Москву и болел, из-за контузии у него начались головные боли. Он находился в доме писателя Марка Колосова, а я как раз договорилась с хозяйном дома записать его фронтные воспоминания. В доме Колосова мы и познакомились. Юрию Николаевичу в то время был 41 год. Так начался наш роман, который продолжался до его смерти, почти 20 лет. Он умер от инсульта.

— Как я поняла, вы были счастливы со своим мужем?

— Да, очень. Это был не брак, это был роман. Каждое пробуждение по утрам было, как первое свидание.

— Как вам удалось сохранить свежесть чувств?

— Просто мы любили друг друга. И дети были, и бытовые трудности, мы же только в последние годы переехали в дом писателей. До этого жили с тремя детьми и в одной комнате, и в маленькой квартирке на Беговой, но как-то все было весело. Хотя времена были совсем невеселые, особенно перед смертью Сталина, когда ждали, что могут сослать (мой муж был евреем). Я старалась не унывать и друзей утешала, говорила, что, дескать, мы здесь ходим друг к другу в гости из квартир в квартиру, а там будем из избы в избу. Казакевич уехал в Горьковскую область, и оттуда узнавал, что слышно о "деле врачей". Я тоже предприняла активные действия: купила по случаю дешевый сервиз и принесла его домой. Юрий Николаевич спрашивает: "За чем ты купила этот сервиз?" Я отвечаю, что скоро поедем в Биробиджан, а там тоже надо на чем-то есть.

— Когда вы начали печататься?

— В 42-м, тогда я писала стихи. Публиковали в "Вечерке", "Комсомолке". После окончания Историко-архивного института и моих первых публикаций я решила поступать в Литературный институт. Мне понадобились рекомендации от двух поэтов: одну мне написал молодой Сергей Михалков, а вторую мне хотелось получить от Михаила Светлова. Светлов в то время только приехал с фронта. Мы сошлись, и он пригласил меня почитать мои стихи. Я подготовила аккуратную тетрадку, тогда я еще печаталась под своей девичьей фамилией — Толстая. Сверху тетради я так и написала "Л. Толстая". Позвонила в дверь, он открыл, я от волнения, что вижу живого классика, онемела и просто сунула ему в руки свою тетрадку. Он посмотрел на меня, на мою тетрадку и произнес: "А Льва Толстого! Заходи, старуха". "Льва Толстая" мне понравилась, а "старуха" — не очень, я у него спросила: "А вы что, еще комсомолец?" На что Светлов ответил: "Дурочка, я уже давно старый политкортежник, так что заходи спокойно". Мне

тогда был 21 год. Когда я была замужем за Юрием Николаевичем, я почти не печаталась. Либединский был известным писателем, и мне не хотелось лишних разговоров, что вот, мол, мужья таят своих жен.

— И тем не менее сколько у вас вышло книг?

— Всего 12. Среди них "Зеленая лампа", "Последний месяц года" о декабристах, "Воробьевы горы" о Герцене и Огареве, "Герцен в Москве", "Живые герои" об истории создания "Войны и мира", "Жизнь и стихи" о Блоке и другие. Недавно вышла книга о князе Цулукидзе, который погиб в 1905 году, называется "Боритесь за свободу".

— У вас есть государственные награды?

— Во время войны я дежурила в госпитале, работала радиомехаником на железнодорожном узле Люблино, подрабатывала стенографией и училась в институте. А еще я сдавала кровь, всего я сдала 10 литров, меня за это наградили медалью, которой я очень горжусь. Такую медаль по блату не получишь. Еще у меня есть медаль за пятерых детей.

— Расскажите, пожалуйста, о них.

— Когда началась война, моей первой дочери, ее зовут Марией, было два года. Вторая дочь Татьяна — мы ее зовем Татой, родилась в 43-м году в сентябре. А в декабре 44-го года должна была родиться третья дочка, но мне хотелось, чтобы она родилась именно в день рождения моего мужа, Юрия Николаевича Либединского. Я поехала в родильный дом и стала прыгать с подоконника. К восьми вечера намеченного дня цель была достигнута — родилась моя третья дочь. Мне в ту пору было 23 года. Когда мой муж узнал, какой подарок я ему приготовила ко дню рождения, он назвал дочь моим именем — Лидия. В 48-м у нас родился сын Саша. Он скончался несколько лет назад от рака. А потом родилась маленькая Ниночка. Сейчас две мои дочери живут в Москве и две — в Израиле. Всего у меня 14 внуков и 6 правнуков.

— Игорь Губерман, муж вашей Таты, много пишет о ней, и у меня сложилось впечатление, что она необыкновенно самоотверженный человек. В ней есть что-то от жен декабристов.

— Да, она такая. У нас в семье всегда был культ декабри-

стов. Кроме того, у нее в характере отцовская твердость. Когда Игоря посадили в тюрьму, она так разговаривала на допросах, что я обмирала, думала, что ее тоже немедленно арестуют. Она отказывалась ездить на допросы. Тогда следователи пошли на хитрость. Сказали, что она может привезти Игоря передачу. Мы собрали передачу и поехали в Дмитров. Следователь достает бумагу и требует, чтобы Тата давала показания. Но она сказала: "Пока не будет от мужа записки, что он получил передачу, не скажу ни слова!" И добились своего! Игорь получил передачу. Тата так ничего и не сказала следователю, да и говорить было нечего — дело-то было сфабрикованное. Потом она ездила к мужу в лагерь, который стоял на болоте. Вернулась совершенно больной. А когда Игорю разрешили жить на поселении, она взяла младшего сына и уехала к мужу. Каждое лето мы к ним приезжали погостить. Как-то привезли им 80 кг продуктов, а тащить на себе от Красноярска 120 км с пересадками не было сил. Пришлось аж за 150 рублей взять такси. Игорь по этому поводу шутил, что я — первая теща, которая проехала к зятю по Сибирскому тракту на такси.

— Вы довольны своими зятьями?

— У меня с ними хорошие отношения, причем зятьев у меня несколько больше, чем дочек. Зятья иногда менялись. Я довольна, лишь бы дочери были довольны. Я никогда в их дела не вмешиваюсь и ни о чем их не спрашиваю.

— Вы рано потеряли мужа. Почему вы не вышли второй раз замуж?

— Я выходила замуж за художника Игину, мы с ним прожили несколько лет, но после счастливейшей жизни с Юрием Николаевичем оказалось трудно жить с другим человеком. Хотя об Игине я могу сказать только хорошее, он был очень добрый человек, любил моих детей, и я полюбила его дочку... В общем, не получилось. А потом, как сказано у Бунина: "Как хорошо проснуться одному..."

— Вы счастливый человек?

— Конечно. Я выросла у прекрасных родителей, а когда отца посадили, мой дядя, академик-историк А.В.Ефимов, нам помогал. Он стеснялся, когда приносил деньги, старался бабушке их передать незаметно. Я на всю жизнь запомнила уроки воспитания не получают наказаниями. Просто дети глядят и впитывают. Я всю жизнь занимаюсь русской литературой, обожаю своих героев. У меня прекрасные друзья, в самые трудные времена никто не отменялся, все старались помочь. А каких интересных людей я видела в своей жизни: и Цветаеву, и Ахматову, и Чуковского и Пастернака... Каждый человек — это история, это мостики между XIX и XX веками. И я не стесняюсь сказать, что в сентябре мне будет 75 лет, потому что считаю: жизнь моя состоялась!

Потом мы с Лидией Борисовной пили чай на ее замечательной кухне, она мне рассказывала еще об одной традиции ее дома, которой более полувека: ежегодно устраивать новогодние елки для детей. Ее и соседские ребятки с удовольствием веселятся на этом празднике, где в роли Снегурочки — внучка Варвара, а в роли Деда Мороза, естественно, Игорь Губерман. Мой чай остыл, и в наступившей тишине в раковине что-то захрюкало, забулькало и смолкло. "Стучач ушел под воду", — задумчиво произнесла Лидия Борисовна.

Встречалась Лариса ТОКАРЬ.